

УДК 94:27-526.62

**ТОРГОВЛЯ «БОЖЬИМ МИЛОСЕРДИЕМ».
ИКОННЫЕ ЛАВКИ КОМИТЕТА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА
О РУССКОЙ ИКОНОПИСИ (1901-1918)**

Вальчак Д.

Статья посвящена организации иконных лавок Комитета попечительства о русской иконописи (1901-1918). Основанный императором Николаем II Комитет должен был заботиться о росте благосостояния иконописцев Владимирской губернии. Планировалось открыть собственные иконные лавки в Санкт-Петербурге, Москве и Киеве, которые должны были стать своеобразным посредником между сельскими иконописцами и заказчиками из больших городов. Автором подробно анализируются все этапы организации иконных лавок, и доказывается, почему не удалось этого сделать в Москве. В статье затрагивается вопрос о коммерциализации торговли иконами и ее последствиях.

Ключевые слова: Комитет попечительства о русской иконописи, икона, иконная лавка, торговля, комиссия, Санкт-Петербург, Москва, Киев.

**TRADE IN “GOD’S MERCY”.
ICON SHOPS OF THE COMMITTEE OF CARE
ON RUSSIAN ICON PAINTING (1901-1918)**

Walczak D.

The main topic of this article is the icon shops of the Committee of Care on Russian icon painting (1901-1918). The Committee, founded by the Emperor Nicholas II, had to take care of the growth of the welfare of icon painters of the Vladimir province. For this purpose, they decided to open three icon shops in Saint Petersburg, Moscow and Kiev. The main aim was to serve as an intermediary between rural icon painters and customers from large cities. The author analyses in detail all stages of the organization of icon shops and proves why it was not possible to organize a shop in Moscow. The article raises the issue of commercializing the trade of icons and its consequences.

Keywords: Committee of Care on Russian icon painting, icon, icon shop, trade, commission, Saint Petersburg, Moscow, Kiev.

С самого начала своей деятельности Комитет попечительства о русской иконописи (1901-1918) одной из главных своих задач считал оказание целевой материальной помощи иконописцам, которые из-за роста популярности дешевых печатных икон оказались в очень тяжелой финансовой ситуации [10, с. 80-81]. В «Положении о Высочайше учрежденном Комитете о русской иконописи» сказано, что целью создания данного учреждения является необходимость «открывать иконные лавки в городах для торговли лучшими произведениями иконной промышленности, организовать иконные и подобные им художественные выставки, устраивать иконописные музеи и собрания» [3, с. 6-7]. В лавках Комитета должны были продаваться иконы, которые были написаны в учебных иконописных мастерских Комитета или в созданных при помощи Комитета артелях иконописцев.

Заметим, что здесь впервые появляется очень интересная тема коммерциализации иконописи, то есть, в сущности, допустимости торговли объектами культа. В православной традиции икона занимает особое место, как посредник в общении человека с Богом. На протяжении многих веков на Руси существовала традиция, согласно которой иконы, как священные изображения, нельзя было продавать или покупать, а можно было только «менять» на что-то. Данная традиция долго сохранялась в среде старообрядцев. В известном романе П.И. Мельникова-Печерского «На горах» купец-старообрядец, пожелавший купить иконы для своего дома, говорит, что хотел бы «поменять Божье милосердие» [8, с. 42]. В XIX же столетии в России иконы все чаще и чаще «менялись» просто на деньги, а разница между продажей иконы и продажей любого другого товара сохранилась всего лишь условно, на уровне языка. Иконы можно было заказать во всех иконописных мастерских, которых особенно много было в Палехе, Мстере, Холуе и в других селах Владимирской губернии, а также в Москве и Санкт-Петербурге. Особые иконные лавки

существовали при цервках и монастырях, но в них обычно продавались только произведения местных иконописцев. За распространение икон среди деревенского населения отвечали также странствующие, бродячие торговцы – так называемые офени [2].

Сбыт иконной продукции из сел Владимирской губернии в большие города был очень существенным подспорьем для улучшения незавидного материального положения иконописцев. Нет ничего удивительного в том, что вопрос о необходимости создания иконных лавок впервые был затронут уже на первом заседании Комитета 10-17 мая 1901 г. В протоколах заседаний читаем, что Комитет «определил также открыть в Санкт-Петербурге, Москве и Киеве три иконных лавки, с целью устройства в них изделий кустарей-иконописцев и их продажи для публики и народа по возможно дешевым ценам, равно как для поддержки достойнейших видов русского иконописания» [3, с. 19]. Как видим, лавки должны были открыться в трех самых больших городах Российской империи. Члены Комитета оптимистически предполагали, что за довольно короткое время иконные лавки перейдут на полную самокупаемость, хотя и подчеркивали, на первое время нужно будет выделить для них небольшие денежные субсидии. «Комитет предполагает в будущем организовать эту торговлю на коммерческих основаниях, – читаем в протоколах заседания, – но теперь она нуждается в ассигновании особой суммы для покрытия расходов по сему предмету» [3, с. 20]. Необходимые денежные суммы было решено получить прямо из государственной казны. Комитет попечительства о русской иконописи решил обратиться к министру финансов с просьбой об «ассигновании на устройство и содержание иконных лавок Комитета в Санкт-Петербурге, Москве и Киеве пяти тысяч рублей и об открытии впоследствии Комитету промышленного кредита до 15 тысяч рублей на каждую лавку» [3, с. 20]. Дело шло об огромных суммах – средняя чиновничья зарплата не превышала тогда 20 рублей. Комитет так и не получил этих денег из казны.

К теме иконных лавок члены Комитета вернулись на заседании 19 декабря 1902 г., хотя там шла речь только о Киеве. Именно тогда управляющий делами

Комитета Никодим Павлович Кондаков, который как раз и вернулся из командировки в Киев и критически отозвался о состоянии иконописи в этом регионе. Он «заявил о необходимости, в видах поднятия дела иконописания и снабжения иконами Юго-западной России, открыть в Киеве учебную мастерскую, промысловую иконописную мастерскую и иконную лавку» [4, с. 27]. Члены Комитета решили при поддержке своего уполномоченного в Киеве наладить контакт с учебной иконописной мастерской в Мстере с целью помощи организации промышленной иконописной мастерской в Киеве и при ней иконной лавки, которая снабжалась бы «лучшими иконами по возможно дешевым ценам». Что касается всегда довольно щепетильных финансовых вопросов, Комитет обратился к И.П. Щипову с просьбой «войти в сношение с Министерством финансов для определения вопроса о Киевской художественно-промышленной школе» [4, с. 28].

Вопрос о киевской иконной лавке был вновь поднят на заседании 18 февраля 1903 г., когда Кондаков сообщил членам Комитета о неудаче – переговоры об открытии мастерской и иконной лавки, которые велись с иконописцем Терентьевым, закончились провалом из-за роста популярности печатных икон [5, с. 7-8]. Несмотря на неблагоприятную ситуацию, члены Комитета не сдавались и решили найти других специалистов, которые бы приняли на себя задачу организовать промысловую иконописную мастерскую и иконописную лавку в Киеве с денежной субсидией от Комитета на наем помещения для мастерской и лавки [5, с. 8].

К забытой на время теме иконной лавки в Киеве вернулись на заседании 10 августа 1905 г. Уполномоченный Комитета попечительства о русской иконописи В.Т. Георгиевский сообщил, что Киевское религиозно-просветительское общество в лице ректора Киевской Духовной Академии епископа Чигиринского Платона и члена Совета, профессора той же Академии Алексия Афанасьевича Дмитриевского, руководствуясь заботой о распространении среди православных жителей Киева и его окрестностей «лучших икон, написанных в духе

Православной Церкви», обратилось к Комитету с просьбой о помощи при организации иконной лавки [5, с. 8].

Дело шло, главным образом, о присылке на комиссию икон, написанных в учебных иконописных мастерских Комитета, а также о денежном вспомоществовании «в размере 600 рублей, на приспособление помещения Общества под иконную лавку, на устройство витрин, шкафов и прочей нужной обстановки магазина» [5, с. 65-66]. В.Т. Георгиевский обращал внимание членов Комитета на то, что организация иконной лавки в Киеве является делом очень важным. Так как «Киев является весьма важным религиозным центром, откуда произведения иконописи распространяются богомольцами по всей России, и учреждение здесь иконной лавки признано Комитетом необходимым» [5, с. 66], о чем говорилось уже в написанном в 1901 г. положении о Высочайше учрежденном Комитете попечительства о русской иконописи. Уполномоченный подчеркивал, что место для лавки было подобрано очень хорошо: она находится в самом центре города, близ посещаемой паломниками церкви религиозно-просветительского Общества и высказывался за то, чтобы признать субсидию. Предложение Георгиевского было поддержано также и Н.П. Кондаковым, который смог лично осмотреть помещение для лавки [5, с. 66]. Хотя Комитет не имел отдельных средств на содержание иконных лавок, тем не менее, было принято решение поддержать религиозно-просветительское Общество в деле устройства в Киеве иконной лавки. Комитет счел возможным выделить 600 рублей из суммы, предназначенной на содержание иконописной лавки в Палехе в 1905 году [5, с. 67].

На следующих заседаниях Комитета ничего не говорилось о киевской лавке. Только на заседании 15 февраля 1908 г. В.Т. Георгиевский, который во время отсутствия Н.П. Кондакова исполнял обязанности управляющего делами Комитета, прочитал доклад о деятельности иконной лавки в Киеве. Из доклада мы узнаем только, что в 1906 г. лавка действительно получила субсидию в размере 600 рублей, и Комитет послал туда на комиссию иконы из своей петербургской лавки [6, с. 54].

Как это ни странно, вопрос об организации иконной лавки в тогдашней столице Российской империи, Санкт-Петербурге, впервые был затронут только на заседании 4 ноября 1903 г. Почти сразу же появились сомнения в том, должна ли иконная лавка, организованная в доме Комитета принадлежать частному предпринимателю, или быть собственностью учреждения. Н.П. Кондаков решительно высказывался в пользу первого решения, признавая со своей стороны «более удобным и менее всего рискованным в материальном отношении отдать лавку частному предпринимателю, с тем, что он должен продавать иконы, одобренные Комитетом, и по назначенным им ценам» [4, с. 31]. Управляющий нашел даже кандидата на эту должность, некоего Чеснокова, торговавшего иконами [4, с. 31]. Несмотря на то, что, по мнению Кондакова, ведение торговли иконами самим Комитетом может потребовать, непосильных в настоящее время, денежных затрат, кои легко могут и не окупиться [4, с. 31], большинство участвующих в заседании голосовало за другим вариантом. Самым главным были для них не деньги, а возможность иметь непосредственный контроль над тем, какие иконы будут продаваться в лавке: «По мнению Комитета, будет затруднительно требовать от частного предпринимателя, чтобы продавались лишь иконы известного художественного достоинства, а также и установить цены на иконы» [4, с. 31].

Члены Комитета, как самые ярые антикапиталисты считали, что если пайщиками иконной лавки станут частные предприниматели, это приведет к разного рода злоупотреблениям. «Здесь всегда возможно злоупотребление, а потому Комитет определил открыть лавку за средства Комитета и производить торговлю от его имени» [4, с. 31], – подчеркивали участники заседания. Сразу было определено, что иконная лавка в Петербурге должна «стать складом икон и служить посредником между иконописцами и покупателями» [4, с. 31]. Чтобы ограничить затраты, было решено, чтобы на первое время ограничиться лишь самыми «ходовыми и недорогими иконами» [4, с. 31]. Для нужд иконной лавки в Петербурге Комитет предназначил 5 200 рублей.

Иконная лавка в доме Комитета попечительства о русской иконописи была организована в начале 1904 г. О ней узнаем из доклада Н.П. Кондакова на заседании 30 ноября 1904 г. Академик искренне признал, что торговля в иконной лавке идет очень плохо, но одновременно выражал надежду на скорую перемену ситуации. «Лавка продает небольшое количество икон, но имеет значительное количество заказов на иконы, выполняя, таким образом, роль посредника между иконописцами и заказчиками», – подчеркивал Кондаков. Небольшой интерес покупателей к иконной лавке Комитета управляющий делами объяснял большим расстоянием иконной лавки от центра города, а также отсутствием рекламы и незнанием цен на предлагаемую иконописную продукцию потенциальными покупателями. Чтобы увеличить объем продаж, ученый предлагал провести рекламную кампанию, напечатать указатель цен (прейскурант) на иконы, разослать его по епархиям и опубликовать в газетах [5, с. 50].

В иконной лавке Комитета были представлены не только иконы, продавались также и книги. На заседании 6 мая 1905 г., обсуждая условия распространения Лицевого иконописного подлинника Кондакова, члены Комитета решили начать продавать его в иконной лавке в Санкт-Петербурге [5, с. 53].

Петербургская лавка не приносила прибыли, так как она не работала чисто на коммерческих началах. Иконы из лавки выдавались бесплатно иконописным школам и церквям. Так 26 января 1906 г. на заседании Комитета было решено передать в дар иконы для мастерской при школе для глухонемых в Уфе и для церкви села Кричильска Ровенского уезда Волынской губернии. Об отсутствии финансирования свидетельствует и то, что Комитет не согласился на предложение Н.В. Султанова открыть новую иконную лавку в Москве (хотя это была одна из главных целей Комитета, перечисленных в положении 1901 года). Как следует из протоколов заседания, члены организации считали, что Комитет не обладает достаточными денежными средствами для открытия лавки и в связи с этим предлагали, чтобы иконную лавку содержало какое-то другое

учреждение, но чтобы при этом Комитет руководил подбором икон на продажу [6, с. 23]. Этим учреждением должно было стать Церковно-археологическое отделение Общества любителей духовного просвещения, с которым должен был связаться Кондаков [6, с. 23]. Неизвестно, какой был результат переговоров, однако иконная лавка Комитета в Москве так и не была организована.

На заседании 7 марта 1907 г. был зачитан отчет о финансовой деятельности петербургской лавки за 1906 г. В отчете имеются очень подробные данные, подтверждающие, что в данном году были продано икон на 5406 руб. 66 коп., киотов на 376 рублей 38 копеек, кипарисовых образков на 121 рубль 37 коп., финифтяных образков на 61 рубль 57 коп. и серебряных изделий на 28 рублей 52 коп., всего на сумму 5994 рубля 50 коп. [6, с. 44-45], а на следующий год были приняты заказы на сумму 5548 рублей 91 коп. [6, с. 45]. Благодаря отчету мы можем частично познакомиться с ассортиментом иконной лавки. Большую часть товаров составляли, конечно же, иконы, но в лавке велась также торговля киотами, нательными кипарисовыми и финифтяными иконами, а также серебряными крестиками. Из-за довольно хороших финансовых показателей лавки, члены Комитета почувствовали себя уверенней и на том же заседании начали обсуждать возможность организации посредничества между заказчиками и иконописцами. После долгой дискуссии ее участники пришли к выводу, что такое посредничество возможно организовать двумя способами. Либо «содействовать устройству в епархиях постоянных выставок образцов современной иконописи и церковной живописи и иконных епархиальных складов, путем уккзания существующих иконописных и живописных мастерских», «или путем прямого снабжения иконами чрез посредство существующей при Комитете иконной лавки» [6, с. 46].

Члены Комитета решили поделиться финансовыми успехами петербургской лавки в брошюре, изданной в 1907 г. под названием «Высочайше учрежденный Комитет попечительства о русской иконописи и его задачи», одновременно подчеркивая, что Комитет брал от иконописцев самую низкую комиссионную плату – всего лишь 10% от объема продаж. По мнению авторов

брошюры, несмотря на неблагоприятные условия в связи с революционной ситуацией в стране, торговые обороты росли из года в год и за четвертый год деятельности лавки увеличились более чем вдвое [1, с. 28]. Но Комитет, учитывая сложную экономическую ситуацию в стране, решил не обращаться в казну за кредитом. Однако такое благородство со стороны членов Комитета попечительства о русской иконописи можно считать было мнимым, ведь в условиях первой русской революции и русско-японской войны государство вряд ли бы дало учреждению такой кредит.

В протоколах заседания от 28 ноября 1909 г. члены Комитета попечительства о русской иконописи с гордостью отмечают, что основанная ими иконная лавка выполнила свою задачу и действительно стала посредником между иконописцами и заказчиками. На заседании приводились данные о том, что иконописная мастерская заработала на заказах с продажи икон 3000 рублей, школа в Холуе – 535 рублей, а школы в Палехе и Мстере – соответственно по 1000 и 255 рублей [7, с. 5]. Однако трудно сказать, какая часть заказов выполнялась в лавке, а какая – непосредственно в мастерских.

На последнем заседании Комитета, 28 ноября 1909 г. рассматривалась возможность организации выставок-продаж икон в Закавказье. По мнению присутствующих, это могло бы помочь «заброшенному судьбою на эту окраину, главным образом, простому русскому человеку, приобрести за недорогую цену хорошую икону» [7, с. 16]. Выставки-продажи икон должны были устраивать в залах, где «происходят религиозно-нравственные собеседования с народом или же в народных читальнях и вместе с тем – просить местных преосвященных о распространении, чрез местных духовный орган, сведений о деятельности Комитета» [7, с. 16]. Именно такая выставка-продажа должна была открыться в Тифлисе, но ее организация не вышла из фазы планирования.

Если присмотреться к вопросу об организации Комитетом попечительства о русской иконописи иконных лавок, можно заметить ту же самую закономерность, что и в случае с подготовкой Лицевого иконописного подлинника и организации учебных иконописных мастерских. Начальные

планы помочь иконописцам со сбытом их произведений были очень амбициозными, но не выдержали столкновения с твердой экономической реальностью. Комитет не располагал достаточными средствами для открытия сети иконных лавок. Единственная действующая иконная лавка Комитета в Санкт-Петербурге (киевская лавка Комитету официально не принадлежала) не могла приносить прибыль, так как не функционировала на коммерческих началах. Ведь именно члены Комитета, а не рынок указывали, какие иконы должны быть в продаже, назначая цены, при этом, часто бесплатно передавая иконы из лавки религиозным или благотворительным учреждениям. Как отмечалось О.Ю. Тарасовым, рекламируя иконную лавку, нарочно «подчеркивали низкую цену и высокое качество продаваемых икон, стремясь привлечь внимание народных покупателей» [9, с. 480].

Расчет в самом начале деятельности Комитета на то, что иконные лавки в скором времени перейдут на полную самокупаемость, был совершенно утопичным. Ведь подобное регулирование цен и организация торговли обычно не способствуют росту объема продаж, и функционирующая таким образом организация нуждается в постоянной внешней поддержке. Государственная казна же была не в состоянии обеспечить Комитет необходимыми для этой цели средствами.

Список литературы:

1. Высочайше учрежденный Комитет попечительства о русской иконописи и его задачи. СПб.: Тип. И. Генералова, 1907. 45 с.
2. Зозуля О.А. Офени как кустарно-промысловый феномен российской нечерноземной деревни XIX в. [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 4. URL: <http://bit.ly/2Pyur16> (дата обращения: 25.11.2019).
3. Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1902. Вып. 1. 232 с.

4. Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1903. Вып. 2. 84 с.
5. Иконописный сборник. СПб.: Тов. Р. Голике и А. Вильборга, 1906. Вып. 1. 296 с.
6. Иконописный сборник. СПб.: Тип. И. Генералова, 1908. Вып. 2. 264 с.
7. Иконописный сборник. СПб.: Тов. Р. Голике и А. Вильборга, 1910. Вып. 4. 244 с.
8. Мельников-Печерский П.И. На горах. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: т-во М.О. Вольф. 1911. 366 с.
9. Тарасов О.Ю. Русская икона в Серебряном веке. Из истории Комитета попечительства о русской иконописи (1901-1918) // Искусствознание. 2010. № 4. С. 161-185.
10. Walczak D. Nieuczciwa konkurencja dla ikonopisców? Komitet Troski o Rosyjskie Malarstwo Ikonowe (1901-1918) w walce z ikonami drukowanymi // Ikona i logos. Zeszyty muzealne. 2019. № 8. S. 80-96.

Сведения об авторе:

Вальчак Дорота – магистр истории, магистр филологии, докторант исторического факультета Варшавского университета (Варшава, Польша).

Data about the author:

Walczak Dorota – Master of History, Master of Philology, Doctoral Candidate of Faculty of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland).

E-mail: dorota.walczak1990@gmail.com.